



НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ



Фото: Константина ГОЛОМАЗОВА

МЫ МАЛО ГОВОРИМ О ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ. МЫ ЧИТАЕМ В МЕТРО. МЫ ЗАНИМАЕМСЯ ПОЛЕЗНЫМИ ДЕЛАМИ. ФИЛОСОФ ПРЕДЛАГАЕТ НАМ ЗАДУМАТЬСЯ О СВОЕЙ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ, ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТРАДИЦИЯМИ РОДНОЙ КУЛЬТУРЫ, ОТВЕТИТЬ НА ШУКШИНСКИЙ ВОПРОС «ЧТО С НАМИ ПРОИСХОДИТ?» «ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» – НОВАЯ КНИГА АЛЕКСАНДРА КОРОЛЬКОВА, ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ. В НЕЙ ОН ПЫТАЛСЯ ОТВЕТИТЬ НА ТЕ ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ ТРЕВОЖАТ ЕГО ДУШУ. О КНИГЕ И О КУЛЬТУРЕ – НАШ С НИМ РАЗГОВОР.

– Александр Аркадьевич, на какого читателя рассчитана ваша книга?

– Мой читатель – это любой размышляющий молодой человек. Я обращаюсь к традициям христианской педагогики, от которых мы отошли почти на столетие. Но я вовсе не собираюсь выступать в качестве богослова, стараюсь обращаться к интеллигенции, чтобы она думала вместе со мной. Дело в том, что наукообразных книг давно не пишу, стараюсь мыслить по-русски и писать на русском языке так, чтобы это было понятно людям. Убедился, что мои студенты и аспиранты часто прячут отсутствие мысли за наукообразной терминологией. Поэтому сознательно обхожу слова вроде «инновации», «вариативности» или какого-нибудь «посткультурного синдрома».

– Расскажите о самой книге. 700 страниц – это не шутка. Как вы над ней работали?

– «Духовный смысл русской культуры» – это большая книга, в которую вошли мои избранные труды за последние пятнадцать лет плюс очерки и статьи, дополнительно написанные в ходе работы. Фактически, она состоит из трех книг: «Русской духовной философии», за которую я получил премию президента в области образования, «Пророчеств Константина Леонтьева» – книги о долгое время забытом русском мыслителе XIX века, и «Духовной антропологии», которая вышла полгода назад. Жаль только одного: «Духовный смысл...» мог бы быть востребован, если бы не маленький тираж. Книгу не найти нигде, кроме герценовской книжной лавки.

– О чем вы говорите в «Духовном смысле...»? Какие темы поднимаете?

– Я пытаюсь противостоять натиску бездуховности, которая охватила наше общество. Бездуховность – это, прежде всего, нарастание прагматизма. Сегодня кажется, что все решают деньги, и традиции культуры утрачиваются. Но наша жизнь бессмысленна без идеалов, без веры. Любой человек становится тем, к чему он стремится, во что он верит. Если цель чисто утробная, то и жизнь будет такая. Человек пойдет по костям других людей для того, чтобы удовлетворить физиологические импульсы. Отсюда погружение в наркотики разной формы. Поэтому современные девчонки не хотят становиться матерями. Материнство воспринимается как помеха собственному благополучию. Мы можем растерять то, что называлось Россией. Точно так же исчезали другие культуры и царства. Трудно предположить, что в нынешней Греции может появиться Сократ, Платон или Аристотель. Так и мы. Мы можем просто деградировать как нация, и уже не будет никаких культурных прорывов. Педагоги должны пытаться спасать положение, но не с помощью морализаторства, а через осмысленное понимание того, что с нами происходит. А происходят глубокие, даже катастрофические, деформации, и материальные, и духовные. Именно такие темы я поднимаю в своей книге.

– Мне кажется, сейчас люди задумываются на эти темы. Но вместо того, чтобы думать о душе, решают заняться насущными проблемами. Может быть, просто хочется есть?

– Понимаю, что многие молодые люди оказываются в тяжелом материальном положении. Все дорого, и сегодняшнему студенту труднее, чем советскому. Но ведь не все определяется материальным положением. Когда оно было радостным? В войну? После войны? Я, родившийся в самое тяжелое время, был четвертым ребенком в семье, и после меня появилась еще одна сестренка. Конечно, наши родители были жертвенниками, но главное – они думали о будущем. И матери рожали, а это основное назначение женщины. Сегодня нам кажется, что мы раскрепощены и свободны, но мы теряем главные ориентиры жизни. Дело во многом в нас самих, а не только в обстоятельствах. Надо заглянуть в себя и понять, какие трудности мы можем преодолеть.

– А какие усилия прилагают педагоги для того, чтобы преодолеть трудности духовной жизни?

– Несколько лет назад появилась межвузовская ассоциация духовно-нравственного просвещения. Сегодня в этом объединении участвуют ректоры более тридцати вузов. Со-президенты ассоциации – Геннадий Алексеевич Бордовский и ректор Духовной академии Владыка Константин. Я же являюсь председателем научно-методического совета. Ассоциация старается найти пути воздействия на молодежь. Не только церковь должна думать о том, как вернуть нас к своей душе. Мы, учителя, тоже должны нести духовность. А священник должен быть на своем месте, и тот, кто тянется к вере,

сам приходит в церковь. Такими, по-моему, должны быть совместные усилия. Одна из глав моей книги звучит как «Образование – это восхождение к образу Божьему».

– Вы не находите, что существует большой разрыв между людьми вашего поколения и молодыми людьми? У вас достаточно духовного опыта, и вы готовы посвятить себя заботе о душе. У них же совершенно другие приоритеты, и своя субкультура. И вам, для того чтобы на них воздействовать, необходимо их понять.

– Конечно, постигнуть современную молодежь очень важно и понять ее субкультуру тоже важно. Но по-моему, одна из наших бед в том, что постоянно создаваемые субкультуры чертят пропасть между поколениями. Дело доходит до того, что новая субкультура возникает каждые 3-5 лет. Подростки уже не понимают двадцатилетних. И речь идет не о разрыве между стариками и молодежью. Сама молодежь становится разнородной. Мы утратили понимание единства национальной культуры. Мода на все меняет наши вкусы довольно часто. Редкие явления в культуре сохраняются в нескольких поколениях: «КИНО», «Битлз», например, хотя и не вызывают ажиотажа, который был свойственен их времени. Да, воздействовать на молодежь очень трудно. Но я не лезу в своих лекциях и беседах с назиданиями. Я рассказываю о том, какой была

наша культура. Потому что если мы от нее отвернемся, то пропадем как нация. Лентьев писал, что срок жизни культуры – примерно 1000–1200 лет. Будет жалко, если умрем раньше срока. Мы слишком погружены в цивилизацию. Цивилизованны, но бескультурны.

– Может быть, это происходит потому, что сегодня нет общей идеологии, единой русской идеи?

– Конечно, без идеологии жить нельзя. Мы напуганы идеологией коммунизма, и никто не хочет возврата к диктату. Но если под идеологией понимать стремление к каким-то идеям, то идеи всегда руководят нами. Поиск русской идеи – одна из задач философии. Русскую идею невозможно выдумать, как хотел Ельцин, давая задания своим советникам. Русская идея – это не логическое понятие, она вбирает в себя чувство народа. Это то, что захватит народ и поведет его в едином порыве. Вот такой единой идеи, ради которой стоит умирать, у нас пока нет. В Древней Руси народ всколыхнула идея объединения княжеств. В XV веке людей объединила идея Святой Руси. Никогда особенно не исчезала идея Великой России (Империя, Советский Союз). Теперь, я думаю, если идея проявится, то это будет некий синтез названных идей. Нам опять нужно и собирать земли, и возрождать духовность. Вот если каждый загорится снова идеей Великой России, то это можно будет назвать национальной идеей.

«Мы в тупике», – сказал Александр Аркадьевич Корольков. Сейчас каждый сам за себя. Вот если бы «один за всех и все за одного», то это бы, наверное, и была Великая Россия. Цивилизованная и культурная. Может быть, нас всех спасет любовь?

Ольга МАКАРОВА
корреспондент «ПВ»



фото: Константина ГОЛОМАЗОВА